

Строитель

МОСТОВ

ФАНТАСТИКА

Алекс
Гарридо

Э

ка невидаль — овца! Вон у меня приятель с Белого берега — тот вообще тюлень, а парень отличный, и на гитаре зажигает, и спиртыгу хлещет не хуже нашего. И положиться на него всегда можно, а в нашем деле это, сами понимаете...

Доброе утро! И ведь плевать, вот как есть плевать, что люди подумают, а сквозь сон каждый раз заново эта песня в голове. Тьфу!

Соседа вот Господь послал: мужик правильный, и подружиться бы не грех, у таких, как мы, соседи редко бывают, а до друзей-приятелей моих отсюда топтать и топтать, да и нельзя мне отсюда и на миг отлучиться пока. Но сосед мой, видать, правил строгих, на жену мою косится, хоть и делает вид, что оно ему безразлично, да я уж за долгий век нагляделся.

Ставни крепко закрыты, в спальне темно, так что у нас день еще вроде не начался, а Мэри, выбравшись из-под одеяла, шлепает босыми ногами по полу, шуршит одеждой. Повязала передник, волосы собрала в пучок. А я люблю, когда у нее волосы распущены, хмелем вьются... Я тоже выбираю из-под одеяла и вынимаю заколки из ее волос, и завязку передника тяну... Не успею тебе поесть приготовить, шепчет Мэри и вздыхает. Да что ж я, без рук, что ли? Сам о себе позабочусь, иди ко мне!..

Потом, уже у самого порога, еще раз поцеловал ее. Да на весь день не нацелуешься.

Нельзя ей долго так оставаться, хоть и закрыты ставни, а снаружи-то в нашей Долгой долине белый день. Да и мне мою работу делать нужно: обойти всё, что уже есть, осмотреть хозяйским взглядом, пусть место себя хорошенько запомнит, пусть привыкнет к себе самому, крепче стоять будет.

Толкнул дверь — свет хлынул. Глаза открыл — уже семенит по зеленому лугу белая овечка, и яблоневый сад над ней бело-розовым облаком стоит. Каждый день, утром и вечером, обхожу долину, сад, у моста посижу. Всё надо рассмотреть, на каждой мелочи взгляд задержать. Потому что в нашем деле мелочей нет. Каждая травинка, каждый сучок знать свое место должны. А откуда им знать, как не от меня? Вот и напоминаю, причаю потихоньку. Целый день на ногах, и это еще начало самое, ведь растет место, растет моя земля день ото дня.

Мост отдельной заботы требует. Значит, надо и к нему завернуть, пройти туда-обратно: пусть и он к своей работе привыкает. На той стороне — сущее безобразие. Но тут уж не моя вина. Я тяну мост к другому берегу, а какой он, тот берег, и не узнаешь, пока не дотянешься. Думал, что-нибудь под стать этому берегу — холмы какие или озерный край. Куда там! Ну, не мне выбирать, не мне и капризничать. И помойке назначение есть в мире — значит, и место нужно. Тем более что сосед там порядок наводит не покладая рук.

Иногда вот к соседу забреду, но разговоров душевных у нас не получается: всё больше про погоду. Ну погода здесь одна и та же каждый день, и когда еще Дождевой Ао до нас доберется, а своих дождей здесь пока не завелось. Ао придет, когда тут всё хорошо укрепится, потому что сквозь дождь видится неясно — может и совсем размыть.

В этом номере мы публикуем рассказ победителя конкурса фантастики «Химии и жизни» 2005 года, который прошел на сайте «Самиздат» (<http://zhurnal.lib.ru>) при содействии Максима Мошкова. Алекс Гарридо, писатель-фантаст и поэт из Калининграда, в настоящее время живет в Москве. Три романа Алекса Гарридо из цикла «Акамии, или Любимая игрушка судьбы» вышли в издательстве «Крылов» в 2004 году.

Художник Н.Кращин

Так и иду себе, смотрю по сторонам. И Мэри моя кудрявая следом увязалась. Я не против: пробежится, травки свежей пощиплет. Утомится — отстанет. Тут у нас без обид, работу мою жена уважает. И я не беспокоюсь, что с ней беда случиться может. Волков у нас еще нет. И пока я здесь — не будет. Потом, может, сами заведутся или придут из других мест. А мне они здесь не нужны. Жена моя...

Есть места, где лучше язычок-то прикусить!

Кто ж виноват, что ее папаша (понесло его поперек путей Господних) ляпнул сдуру: «Овца ты, Мэри, как есть овца!» А на закате дело было. Вечерять, значит, они уехали при дороге, а Мэри то ли соль опрокинула, то ли вообще ее в котомку не уложила.

А Клятая пустошь, куда их занесло в недобрый час, — место хитрое. Сразу ничего не случилось: папаша привычно ворчал, девица привычно терпела, но только утром просыпается папаша — а под кустом овечка кудрявая травку щиплет, хвостиком повиливает, лишь дочки родной нет как нет.

Что правда, то правда — рассеянная она. Бывает, сядем за стол, а ложки-то положить забыла. И всё смотрит на меня, улыбается: что, мол, Хэмиш, не ешь? А мне и слово ей в укор сказать неохота: встану сам, хоть и на шагался за день по долине, не отвалятся ноги, а тут и она вскинется, смутится вся. Рассеянная... А я бы на вас посмотрел, если б вам каждое утро овцой оборачиваться, а каждый вечер опять человеком, — вот чем бы у вас голова занята была.

Овца, эка невидаль! У моего приятеля с Туманной косы птица на голове живет — и ничего. Очень даже мужик замечательный, вот уж кому ни мостов, ни дорог проложенных не надо, ходит, где хочет. А тут — овца всего-навсего.

Да, за нашего брата не всякая и пойдет. Сегодня муж есть, а завтра — ищи ветра. И добро б навеки сгинул — нет, вернется. Только вот когда вернется, он и сам не знает, не положено ему, а может, просто не дано. А в общем, если уж с нашим братом связалась — и думать не моги другого себе искать. Всё равно ничего не выйдет. Потому что наш брат только в таких местах и может жениться, где слово крепко, неотменимо. И если сказалась верной женой — верной женой и будешь, а хочешь того, нет ли, это уже дело десятое.

Мэри всегда знает, когда я вернусь. Вот поставлю дом, возделаю сад, мост построю — и сразу в обратный путь, чего мне мешкать! Меня жена милая ждет.

А в этот раз упростила с собой взять. Оно и не положено, но то местечко, где я ее нашел, еще покривее здешних будет. Называется Голый склон — там и из наших не всякий надолго задержится. Уж как ее туда занесло, ума не приложу, а она не говорит.

Голый склон — он голый и есть, и ничего там больше нет. Но глина там славная, видно, скоро речка народится рядом, вот и берег есть, а где один берег есть — там мне и работа: лучше нет способа второй берег найти, как мостом к нему дотянуться. Так что я туда с двойным прицелом забрел: и на разведку, и глины гончару из Ореховой балки добыть — Кукунтай-тюлень ему все уши прожужжал, какая там славная глина, а самому пока из Ореховой балки ходу нет. Не устоит пока Ореховая балка без Олесь-гончара.

И вот там, на Голом склоне, я ее встретил. Тьма крошечная, редко где звездочка дальняя пробьется сквозь тьму, и сидит красавица кудрявая, коленки сомкнув, паль-

цами в глину вцепившись, вздохнуть боится: склон-то крутой, как есть голый, глинистый, скользкий. А кроме склона, и нет ничего.

Остался в тот раз Олесь-гончар без глины, а я вот жену нашел. Подобрался к ней медленно, чтобы не дернулась с испугу, потому что без привычки в таких местах шевелиться и правда не стоит: запросто в бездну канешь. Заговорил спокойно, ласково. Я, мол, Мак-Грегор, строитель, а для такой милой девицы — просто Хэмиш, а ты кто? Она в руку мою протянутую вцепилась пальцами перемазанными, глаза безумные, кричит без голоса: ты живой, живой!.. Эка невидаль — быть живым! У меня приятель на Лежачем камне — так его еще и не со всякой стороны увидишь: он вообще плоский, нарисованный. Но как поет! Душу вытряхнет и вывернет, и уходишь от того камня, как заново родившись. А поживет он на том камне еще — и будет живое место, потому что быть живым — это заразно.

Но в таких местах, как Голый склон, пока что никто из наших не поселился — и правда жутко бывает. До чего неприятное место! От одного воспоминания передернуло. Полез в карман за табаком, а там, тьфу ты, опять камешек. Этот сумасшедший с птицей на голове так всем и норовит всучить что-нибудь чудесное. Кому, скажем, гвоздь, и ладно бы от старой мельницы, так нет, новехонькое скобяное изделие, блестит даже — какая в нем сила? Или вот меня камушком осчастливил. Так себе — галечка морская, я уж сколько раз ее из кармана выкидывала, а она всё там же. Ничего, наведается в гости — верну. А пока выкину.

Раскурил трубочку, дальше себе иду. Мэри за мной.

Вот наша Долгая долина — тоже еще не совсем... Я потому Мэри сюда брать и не хотел, пока не устроюсь. Я-то привычный, я всё вижу, как оно будет, а если смотреть, как оно есть, самому тошно станет. Но я от таких глупостей давно зарекся. Зыбковато здесь пока, и в глазах рябит порой. Как будто вон та яблоня не решила еще, яблоней ей быть или вовсе дубом вековым. Куда ж мне дуб посреди сада? Цвести-то яблоньки будут — загляденье, а плодов не принесут.

Чудит местечко, само себя еще не знает, утром выйдешь на крыльцо... Как-то раз выпустил Мэри на травку, оглядываюсь — чуть со ступенек не покатился. Вот такенная помойка сбоку выросла! То ли нас к ней течением прибило, то ли ее к нам ветром принесло. Потом уж рассмотрел: к мосту моему наконец тот берег прирос. А на том берегу — подарочек. Получите-распишитесь. Помойка! А при помойке — управляющий. Так вот соседом и обзавелись. Правильный мужик, упорный, работяга. Но близко не сошлись пока, уж больно он на ирландца смахивает, так я и не стал ему ничего про нашу с Мэри жизнь объяснять, а что косится он на жену мою, так лучше пусть косится, чем заглядывается.

Я в его работе еще до конца не разобрался. Труба торчит, турбина крутится. И паром как жажнет сверху! В первый раз я аж ложку уронил, выскочил на крыльцо, а Мэри вся трясется... Сосед что-то объяснял про клапан, потом какие-то грузовики откуда ни возьмись поперли, гудят, дорогу расчавкали. Ну не мой там участок — пусть сосед благоустройством занимается, если ему положено, а мне своих забот хватает. Кстат, договориться бы с соседом насчет обогрева, можно и теплицу поставить.

А у меня работа простая. Уж если человек строит, он строит. Хоть дом, хоть мост. Ясно, в каждом деле свое отличие. Но у нас ведь главное не руками делается. Важно, чтобы у тебя тот мост крепко стоял в душе, даже не то что верить в него надо, а просто — знать. А камни сложить не так уж и трудно. Я-то сам по этому мосту могу ходить, как только первый камень положил. Я его уже знаю. А другим придется подождать — и не только пока я соединю берега, а пока еще сам мост к себе привыкнет.

И вот иду я так, смотрю по сторонам — хорошо! Обернулся — сад мой издали видно, крыша сквозь белое едва просвечивает. За садом вот только помойка, но это если на холм подняться, а так — торчат из-за деревьев труба да какие-то железки перепутанные, а больше и не видно ничего. Но на холм подниматься я сегодня не буду, слишком близко к краю, а Мэри так и не отстала от меня, и если наверх увяжется, то увидит, как из-под травяных корней, в бездну спущенных, сочится чернота. Незачем ей на это смотреть.

Так вот стоял я, раздумывая, направо или налево от холма повернуть, а Мэри моя уже на холм взбежала и замерла там, испуганная, и хочет обратно спуститься, и страшно к бездне спиной повернуться. И тут у соседа как жхнет, да не так, как обычно, а погромче. И тут же земля моя зыбкая под ногами волной пошла, и край ее как бы завернулся, и снова дрогнуло... и оторвался край, и понесло его прочь от меня, а на том краю Мэри моя.

Как отнесло на пять шагов — свет здешний до того клочка уже не достает, и Мэри застыла над бездной, алой свечой в темноте, только пустота текущая волосы хмелевые ее колышет. Вытянулась, зажмурила глаза, кулаки к бедрам прижаты. И плывет от меня в пустоте, навеки от меня ее уносит. Сгинет, и мне до нее уже не дотянуться.

Стоял я на самом краю моей земли и смотрел, как уплывает от меня моя жена. И стукнуло: что ж ты, строитель? Мост! Вот ты на одном берегу, вот берег другой, да поторопись, потому что размывает его пустота, тают травинки в чернилах небытия. К самому подолу алому уже подступила бездна.

Но мост начинается с первого камня, и пойти по нему только я смогу, а мне уйти — и не вернемся уже. Останемся вдвоем на мосту между берегов, которых нет, и будет нам жизни на три вдоха, а сюда уже не вернуться нам. Ничего здесь не останется, стóит только мне отсюда уйти хоть на миг. Может, помойка и устоит. Только нам от того пользы никакой. Да и камня нет у меня!

Упал на колени, взрыл сухую траву. Нет, тонко все сетется между пальцами.

И вспомнил... вспомнил — как ожегся. Руку в карман: вот зараза, пусто! В другой: галечка морская с берега неведомого, спасение наше.

Я осторожно положил ее под ноги — и носком притоптал для прочности. И сказал жене: мост я тебе построю каменный, прочный, только ты глаз не открывай, и настил из досок дубовых сделаю, и перила — каменные перила будут, не бойся, руку положи... да, вот так.

И она мне поверила, наклонилась вперед и коснулась рукой... ох, какая разница, чего она коснулась, хоть ничего там не было еще! А Мэри похлопала ладонью, оперлась и сама, моих уговоров не дожидаясь, подвинула левую ногу вперед. Так и вижу голубой башмачок с острым носком, как он скользнул над истаивающей травой и сту-

ФАНТАСТИКА

пил на... Знать-то я знаю одно, а глаза видят, что видят. И видели мои глаза, как маленькая ножка Мэри замерла в пустоте, а сердцем я твердил: мост каменный, настил деревянный, дубовый настил, перила!

Из зажмуренных глаз Мэри катились слезы, как, бывает, катится пот со лба, — и точно так же, как помеху работе, смахнула она слезы со щек и качнулась вперед, перенося тяжесть тела с правой ноги на левую. А под правой уже растворялся последний клочок травы, а под левой — чистой тьмой покоилась пустота. Но сердце мое билось ровно. Иначе нельзя. Я знал этот мост, я его держал. Вот только не бывало такого, чтобы по недостроенному мосту кто-то, кроме меня, мог пройти. Но об этом я сумел забыть. Я обо всем сумел забыть, одно было передо мной: первый на свете мост — и никаких еще нет правил, а вот как мы сейчас сделаем, так и будет.

И она шла, ровно ступая, и платье ее алое, нарядное, качалось над пустотой.

Но на середине моста, которого еще не было (мост каменный, настил деревянный, перила), как будто опомнилась Мэри. Шагу ступить не может — вот-вот откроет глаза.

Беги! — заорал я, беги, не стой, беги!.. И она подхватила юбку и рванулась вперед, только мелькали зеленые чулки, только вился над коленями алый подол. Одной рукой прижала к животу скомканную юбку, другую руку откинула нелепо, хмелевые кудри ветром к лицу прижало, и ровно вот столько ей еще пробежать оставалось, а она протянула руки ко мне и выпустила подол. И он ей под ноги! И она глаза открыла! Падает с открытыми глазами мне навстречу, а под ней как есть пустота, а мне еще рук не дотянуть (мост каменный, настил дубовый), и я по тому настилу к ней, к ней! — и на руки подхватил, сам не знаю, как успел, не должен был успеть. Но схватил ее, держу, а сам пячусь и обернуться боюсь. Есть ли еще куда пятиться или остались мы с Мэри на огрызочке моста, в один шаг длиной, между двумя берегами, которых уже и нет? А Мэри висит головой на плече моем и сладким таким голосом приговаривает: яблони наши, дом, хорошо-то как!..

А когда я уже почувствовал под ногами не гулкие доски, а мягкую траву, обмякла моя Мэри и голову уронила. Я ее на траву там же и уложил, смотрю, и правда: яблони бело-розовым облаком, черепица сквозь него едва просвечивает, а вокруг трава зеленая, и хорошо-то как. Сел на траву рядом с Мэри и ничего не помню. И сразу вдруг: морда овечья мне в лицо тычется.

Обнял я жену за кудлатую шею, и пошли мы домой.

А что сосед на нас косится, так это мы переживем.

